

Галя Маркелова

«Спасибо тем, кто не забыл меня...»

11 августа большинство одесских газет вышли со скорбными извещениями о смерти заместителя главного редактора газеты «Вечерняя Одесса», журналиста Людмилы Александровны Гипфрих, которая скончалась от скоротечной тяжелой болезни 3 августа 2012 года.

Никогда не могла себе представить, что я буду писать скорбные строки в память о Люде Гипфрих. Мы никогда не были подругами, в редакции сталкивались весьма редко и в те младенческие времена, когда Люда работала в «Комсомольском племени», переформатированном позднее в «Комсомольскую искру», где собрался молодой коллектив одесских интеллектуалов, стремящихся преобразовать серые будни соцреализма. На улице Пушкинской проходили и интересные встречи, и первые выставки одесских художников. Центром этой жизни были Гипфрих, Голубовский, Кохрихт, молодой поэт Юрий Михайлик, и естественно, когда Борис Федорович Деревянко создавал с такой любовью «Вечерку», он пригласил Люду Гипфрих.

Моих стихов там не печатали. И точка. А вот стихи Гипфрих иногда мелькали в этих комсомольских изданиях. И при всем

моем желании найти в них огрехи – не выходило! Как нынче я жалею, что не сохранила пожелтевшие вырезки скверный бумаги, пахнущие типографской краской, как доказательства искренних моих чувств и неподдельной скорби...

А скорбеть есть о чем! Ушел поэт, который так и не увидел сборника своих стихов! Поэт тонкой организации, широкой эрудиции, хорошего образования – она (Людмила Гипфрих) все же была очень ранимым человеком, и я думаю, что многолетняя журналистская деятельность сделала ее излишне осторожной. Но говорят, что Люда даже договаривалась с художником о создании иллюстраций к книге своих стихов. Я же свидетельствую, что лет десять тому, когда у меня вышла первая книжечка, мы с ней говорили о материальном вопросе, то есть во что выльется издание книги стихов. Тогда я посоветовала издать и ее статьи, которые она считает интересными, на что Гипфрих улыбнулась своей загадочной и целомудренной улыбкой...

Кстати, красавицей ее не назовешь, но вот улыбка действительно скромно цвела на ее лице особым обаянием.

Я сразу запомнила ее из-за этой улыбки, из-за первого услышанного ее стиха. Было это где-то в шестидесятых, на каких-то литературных сборищах. Вдруг поэт Юрий Михайлик (который сейчас живет в Австралии) объявил вновь вошедшую, она улыбнулась той самой улыбкой и стала читать: «О, Саврань, не позволь мне соврать...» – далее шло о самолетике, пришипленном туманом к летному полю, и становилось грустно и обидно и за самолетик, и за девушку-журналиста, заброшенных где-то в неведомой (для меня) Саврани. Думаю, что именно тогда у меня возникло ощущение глухой провинции, безысходности, щемящей тоски, которое уже больше меня не покидает. А стишок-то был написан очень простыми, прозрачными словами! И надо же, на девятый день, когда преданная Ая Катрич (подруга Люды), закрывшая ей глаза, читает мне ее рукописи, я слышу:

Спасибо тем, кто не забыл меня,
кто вдруг при встрече опознал и вспомнил
ту девочку, что плача и смеясь

входила в мир. И книгами заполнить
его хотела. И дарить, дарить
все, что узнала, что прочла – напомнить.

Непостижимая страна Поэзия! Она имеет свою особую структуру, и узлы, завязанные Бог знает когда, образуют спасительную нить, которая позволяет не заблудиться в ее лабиринтах, отыскивая тот самый единый, истый смысл, удирая от осклизлой туманности. Тогда, в шестидесятых, она уже благодарила всех, помнящих ее, и тех, кто запомнит ее стихи, как только их услышат, как только их прочтут...

Мысли о жизни и мысли о смерти
Не умещаются в суетной смете
Нам ежедневно отпущенных чувств.
Лишь иногда эти мысли большие
Могут догнать нас в летящей машине
За облаками, приникшим к стеклу,
Взять человека, который пристегнут
К небу и скорости серым ремнем –
Что ж это значит: живем и умрем?

Но это уже другой самолетик, это самолетик, который мчал ее к своей любимой подруге, искрометной Бэле Кердман. Кто в Одессе (и не только) не помнит этого смелого, дерзкого журналиста – Бэлу Кердман, которая сейчас проживает в Стране Обетованной? Обе они умели дружить, их дружба была проверена десятилетиями, последняя поездка Люды была к ней...

Каким мужественным человеком нужно быть, чтобы так четко оформить в строфу главные, жесткие мысли о жизни?!

Я надеюсь на то, что сотрудники газеты, газеты, которой журналист Люда Гипфрих отдала тридцать девять лет, которые с такой любовью сделали подборку ее стихов, в дальнейшем помогут издать книгу стихов замечательного мудрого поэта, журналиста Людмилы Гипфрих.